

ОХОТА ЗА РУБЕЖОМ

ЗА БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ

ЗА БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ

Корал-Харбор – инуитская (эскимосская) деревня на южном побережье острова Саутхемптон (Нунавут, Канада), расположенного в северной части огромного Гудзонова залива Северного Ледовитого океана. Несмотря на то что залив практически весь расположен южнее Полярного круга, его воды 8 месяцев в году покрыты льдами и являются пристанищем для большого количества белых медведей, ради охоты на которых я и оказался в этой затерянной среди снегов и льдов Арктики деревушке.

После ночевки в гостинице Корал-Харбора и оформления всех необходимых бумаг мы с двумя местными проводниками, относительно молодыми (35 и 39 лет) эскимосскими парнями, отправились в лагерь, до которого надо было около четырех часов ехать вдоль побережья на наиболее распространенном на острове средстве транспорта – снегоходе. Несмотря на начало мая, вокруг была зима-зимой: бескрайняя равнина плотного спрессованного снега с одной стороны и бескрайние ледяные поля – с другой. Это однообразие на всем протяжении пути было нарушено лишь пару раз – появлением в поле зрения молодого одиночного карибу и ...белого медведя.

Причем мы совсем не искали медведя специально, не заезжали проверять какие-либо привлекательные изломы береговой линии, а лишь изредка осматривали горизонт в бинокли, просто ехали – и вот он, пожалуйста, медведь! Проводники мои, увидев медведя, не задумываясь, бросились в погоню. Хищник при приближении снегоходов пустился было наутек, но его довольно быстро догнали. Поняв, что от погони не уйти, медведь лег на снег и отказался от каких-либо маневров. Очевидно, он только что наелся до отвала, и ему было тяжело передвигаться. Что характерно, на подобный случай некоторые звери обладают спасительным рефлексом – отрыгнуть все съеденное, чтоб спастись от погони, но только не хищники высоких широт, где каждая калория на счету. И тут оказалось, что мои инуитские спутники всерьез рассматривают эту нечаянную встречу с медведем как шанс тут же и закрыть лицензию! Это было вдвойне удивительно, особенно если учесть, что в Канаде охота на белых медведей со снегохода строго запрещена, а стало быть, приравнена к браконьерству.

О выстреле не могло быть и речи, но, наверное, это одна из особенностей организации подобных охот – проводни-

ки-инуиты не являются пи-эйчами в том смысле, что трофейная составляющая охоты им... чаще всего до одного места: «Ты приехал охотиться на медведя? Вот тебе медведь, стреляй!» А то, что это вообще не охота (да и медведь, если на то пошло, был не крупный и, возможно, даже самка) – это их не волнует и совсем не интересует. Медведь «легальный»? Значит, надо стрелять! В общем, долго они со мной спорили и пытались убедить, что медведей сейчас мало, что этот медведь крупный, очень красивый, что это уникальный шанс – другого может не быть (вообще до охоты меня предупреждали, что шанс добыть медведя – 70-80%, многие другие аутфитеры вообще давали 50 на 50), что... в общем, очень им хотелось побыстрее и без лишних трудов закончить охоту! Но в итоге, после фото- и видеосессии,

медведь все-таки потрусил своей дорогой, а мы, постояв и посмотрев ему вслед еще минут 5 (инуиты до последнего надеялись, что я «одумаюсь» и не стану упускать такой шанс), поехали в лагерь – в вагончик на берегу залива без каких-либо удобств, даже «во дворе». И на следующий день началась настоящая охота.

В принципе, многие охотники описывают охоту на белого медведя как не слишком интересную – выехали из лагеря, биноклевали, увидели, догнали, добыли. Трудности случаются, когда медведь стремится уйти от преследования в торосы. Но нас поджидали сложности другого характера – на протяжении нескольких дней мы за много часов поисков вдоль побережья не увидели ни одного зверя и ни одного свежего следа. В это время ледяные поля в заливе уже приходят в движение – это величественное зрелище трудно

описать; бывало, смотришь в бинокль, видишь, движется какая-то серая точка на горизонте, думаешь – медведь! А это оказывается ледяной торос. В такой ледовой обстановке звери, по словам проводников, в основном перебираются ближе к берегу и непосредственно на берег, заходя порой довольно далеко в глубь острова. При этом медведи, как и все хищники, предпочитают двигаться на ветер, а он как раз дул в океан!

За два дня поисков мы видели лишь относительно старые следы. Мы пытались проследить их, но такой способ охоты, как тропление, в нашем случае был сильно осложнен. Слишком часто следы выходили и терялись на обширных участках голого льда или уходили в торосы. Обрезание и поиск выходного следа занимали много времени, в общем, такая охота тоже не давала результата. На мое счастье, у

Менее 50 лет назад белый медведь (*Ursus maritimus*) считался видом, находящимся под угрозой исчезновения. В то время из обширной популяции (насчитывавшей порядка 5000 особей) ежегодно изымалось 1400-1500 животных (Prestrud, Stirling, 1994; Freeman, 2001). Такое положение привело к тому, что пять стран ареала (Канада, Дания/Гренландия, Норвегия, а затем и СССР с США) вынуждены были начать обсуждение международных действий по этому вопросу, и в 1973 году Международное соглашение по защите белых медведей и их местообитаний было подписано в Осло четырьмя странами из пяти. В течение последующих четырех лет оно было ратифицировано всеми пятью, а в 1981 году – единогласно продлено.

Во время этих международных консультаций вопрос о трофейной охоте на белых медведей был предметом беспокойства всех стран ареала. СССР первым ввел ограничения на трофейную охоту в 1938 году, впоследствии – в 1940 и 1956 годах – ужесточив их. США прекратили всяческую трофейную охоту на белых медведей в 1972 году, приняв закон о защите морских млекопитающих. В 1973 году Норвегия постановила прекратить любую охоту на белых медведей на пятилетний срок, и этот запрет действует поныне.

Тем не менее в 1970 году Канада инициировала программу спортивной охоты, где услуги должны были предоставляться местным населением. Эту программу стране удалось отстоять перед международным сообществом.

Позиция, занятая Канадой, имела целый ряд преимуществ:

- наибольшее число белых медведей и наибольший уровень годового изъятия приходится на Канаду;

- поскольку Аляска, в то время первоочередное место для спор-

тивной охоты на белого медведя, эту охоту закрыла, то открытие соседней территории могло вызвать негативную реакцию со стороны представителей различных природоохранительных и природоохранных лоббистских групп;

- в дополнение к открытию спортивной охоты Канада отказа-

лась сокращать уровень годового изъятия белого медведя и даже предлагала этот уровень увеличить, в то время как Норвегия, СССР и США призывали к глобальному сокращению охоты на этого хищника.

Таким образом, Канада защитила права местного населения на получение материальных выгод от использования принадлежащих им ресурсов животных.

Этот успех был редким примером успешного научно обоснованного управления популяцией, победившего эмоциональные политические кампании, призывавшие в то время к полному запрету охоты как единственно верной стратегии сохранения ресурсов и противостоявшие тем самым потребительскому использованию этих ресурсов.

Так что единственной страной, где разрешено использование части популяции белого медведя, является Канада – с ее 45-летним успешным опытом сохранения ресурса с помощью охотничьего изъятия. Сегодняшние оценки численности белого медведя (не будем обсуждать точность цифр)

– 20 000-25 000 для всего ареала, из которых 15 000 приходится на Канаду.

В России, по разным экспертным оценкам, популяция составляет 3000-7000, при этом западную и восточную мы делим, соответственно, с Норвегией и США.

В Гренландии (Дания) с 1 января 2006 года введена система квот для охоты на белого медведя. Запрещена добыча медвежат любого возраста и самок в сопровождении медвежат; запрещен экспорт медвежат; полностью запрещена добыча белых медведей с 1 июля по 31 августа по всей Гренландии, а в провинциях Иттокортоормиит и Аммассалик – с 1 августа по 30 сентября.

В Канаде ежегодно устанавливаются квоты на добычу белых медведей охотниками из числа

коренных жителей. Владелец лицензии может передать право выстрела охотнику, не являющемуся коренным жителем Канады, но при этом должен сопровождать охотника на собачьей упряжке.

***

В рамках Российско-американской Комиссии по белому медведю, первое заседание которой состоялось в 2010 году, было решено установить общую квоту для добычи белых медведей чукотско-аляскинской популяции аборигенными жителями. До этого аборигены Аляски добывали белых медведей исходя из собственных потребностей (приблизительно до 40 животных в год). Жители Чукотки не имели возможности легальной добычи вообще. В процессе переговоров было достигнуто политическое соглашение о консолидированной годовой квоте в 58 животных: по 29 для каждой из сторон. Никакого научного или иного содержательного (кроме политического) обоснования под этим решением нет. При этом Российская Федерация продолжает придерживаться фактической нулевой квоты, не выдавая ни одного разрешения на добычу.

В Канаде квота устанавливается охотниками из числа местных жителей в объеме до 700 животных ежегодно (2011-2012 годы). При этом квота никогда не выбирается полностью, и уровень добычи, как правило, составляет на 100-150 животных меньше. Соотношение животных, добываемых в интересах трофейной и поддерживающей охоты, составляет 1:10 (например, 40:400).

В Норвегии охота полностью запрещена. Изъятие возможно только в целях самообороны.

В Дании (Гренландия) максимальный консолидированный (с сопредельными районами Канады) объем изъятия в 2006 году составил 176 животных.

проводников было с собой несколько лицензий на нерпу, привада из которой могла повысить наши шансы. Впрочем, добыть нерпу не просто сложно, а очень сложно! Нерпы имеют отличное зрение и на льду отдыхают только рядом с полыньями – чуть только появится какая опасность, и нет нерпы. При этом полыньи, или, скорее, майны, которыми постоянно пользуется нерпа, многочисленны и сетью покрывают очень большую площадь. В первый день охоты мои проводники полдня посвятили тому, чтобы, заткнув все найденные в округе майны, заставить нерпу вынырнуть в ту, которую стережет охотник с копьем, – так ни одна и не подставилась под их копыя. Но мне все же повезло к вечеру добыть сначала одну нерпу, а на следующий день еще двух. Всех – с расстояния не менее 300 метров, из прокатного карабина .300Win.Mag., из которого я, собственно, и собирался взять белого медведя.

Первая нерпа, из которой мы сделали классическую приваду с волоком, никого не привлекла, вторая – тоже. Третью приваду мы сделали на вчерашнем следу довольно крупного медведя в непосредственной видимости нашего вагончика. Это был первый относительно свежий медвежий переход, но проводники мои после нескольких дней неудач были настроены весьма скептически: «Вряд ли этот медведь вернется проверять свои же следы, а ветер относит запах нерпы совсем в другую сторону, в океан...» В общем, решено было на

следующий день переехать на другую сторону острова, туда, где ветер благоприятствовал бы охоте. И вот рано-рано утром, только забрезжило, мы встали и начали собираться. Один из проводников посмотрел в бинокль в сторону привады, заметил движение, взял трубу... А нерпу уже практически доедает крупный медведь!

Мы просто с бешеной скоростью натянули теплую одежду и сапоги (все-таки по утрам столбик термометра опускался до -15° и ниже), я схватил оружие и патроны, вскочили на снегоходы и помчались в сторону привады. Надо было заехать с подветренной стороны, спешиться и подойти на выстрел. Перед охотой мои проводники уверяли, что стрелять придется не далее 100-120 метров. Метров за 700 мы остановились и начали подходить под прикрытием торосов. Я знал, что медведи близоруки и к ним можно подойти довольно близко, но метров за 200 медведь нас, что называется, «срисовал» (увидел или услышал) и рысью пустился наутек! Решение пришло мгновенно – мои сопровождающие даже не успели ничего сказать. Я просто вскинулся и выстрелил в зад уходящему зверю. Правда, я был уверен в оружии – охота на нерп с дистанций 300 и более метров оказалась в этом плане как нельзя кстати, и тут с 200 метров с рук по угонному зверю попал очень удачно. Медведь после выстрела остановился, развернулся боком, и вторая пуля – по позвоночнику – уложила его наповал.

Медведь оказался крупным самцом длиной от носа до кончика хвоста 3 метра 5 сантиметров (мерили сначала проводники, а потом офицеры охотдепартамента). Замер трофея (череп) показал 25 12/16 пунктов. Тем самым добытый мною медведь занимает сейчас 26-е место в рейтинге трофеев SCI (Safari Club International). Сама охота получилась довольно сложной и полной неожиданностей. Что еще сказать? В охотничьем плане белый медведь совсем не похож на своего бурого собрата. Это два совершенно разных хищника – с разными привычками, поведением и местами обитания. Организационно охота на белого медведя отличается от других трофейных охот тем, что лицензии выделяются исключительно коренному населению – эскимосам, или, как они сами себя называют, инуитам. Так вот, обладателю лицензии разрешается продать не лицензию, а только право выстрела охотнику «со стороны». Причем по закону обладатель лицензии обязан лично присутствовать при охоте. Так что для проводников сопровождение клиента на охоте зачастую не является основной профессиональной деятельностью. Отсюда могут возникать некоторые сложности в выстраивании отношений и недопонимание того, что приезжий охотник ждет от самой охоты.

ОТ РЕДАКЦИИ

Белый медведь отнюдь не самый редкий зверь – в пределах государственных границ Канады обитает, по разным данным, от 15 000 до 16 000 этих зверей, 2/3 всей мировой

популяции. Ежегодная канадская квота редко в какой год выбирается полностью. Деньги от перепродажи права на добычу белого медведя остаются общине, которая как единица местного самоуправления решает, сколько лицензий закрывать с привлечением трофейных охотников (и их капиталов). Но, несмотря на немалые ежегодные квоты, в книге трофеев SCI зарегистрировано менее 200 этих зверей. Объяснение этому феномену очень простое – среди эскимосов довольно мало людей, способных ответственно и умело подойти к организации подобной охоты. И тем не менее коммерческая охота на этого самого крупного хищника Арктики даже в весьма скромных объемах однозначно приносит значительные средства аборигенному населению, которое тем самым крайне заинтересовано в охране белого медведя и пресечении незаконной охоты на него. При этом, по данным того же WWF (Всемирного Фонда Дикой Природы), в России ежегодно добывается около 300 (!) белых медведей из приблизительно 6000 обитающих на нашей территории – больше, чем в Канаде! Добывается незаконно, естественно, в основном тем же аборигенным населением, для которого, в отличие от канадских инуитов, браконьерство – единственный способ хоть как-то оправдать существование с этим огромным и опасным хищником. И пока такое положение вещей сохраняется, российским трофейщикам ничего не остается, как вкладывать свои капиталы в инфраструктуру арктических территорий и охрану популяций белого медведя совсем других стран. 🐾